

Александр Николаевич Кестер

16+

На скалистом берегу.

Александр Кестер
На скалистом берегу

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Кестер А. Н.

На скалистом берегу / А. Н. Кестер — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Мир стал более открытым после перестройки и ещё шире после того, как интернет стал массовым явлением. У гораздо большего числа людей появилась возможность путешествовать, общаться, жить в другой стране и ездить на заработки. Об одном из эпизодов такой жизни и написан рассказ. В нём люди, хоть и схожей ментальности, но очень разные по духу и внутренней организации, находят общий язык. Мы умеем слушать, но слышим ли друг друга, даже говоря на одном языке. Это не так важно, когда ты находишься в привычной для себя среде. Когда ты можешь уйти от общения. А как мы проявляем себя, когда нет возможности подобрать команду, выбрать или сменить партнёров? Всё происходит спонтанно, без тестов на психологическую совместимость и возможности выбора. Кто-то уходит в сторону, или мы принимаем человека таким, как есть, оценивая по поступкам. Слова, язык, внешность, принадлежность уходят на второй план. В такой ситуации проявляется более глубинный, общий язык совершенно другого плана.

© Кестер А. Н., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Маленький тихий городок в центре Норвегии. Настолько маленький и тихий, что кажется благоустроенной деревней средней полосы России. Такой, как россияне из столицы видят её в идеале. И знаете, если вы так подумаете, будете правы. Это деревня, со всем присущим этому виду бытования укладом жизни. Расположилась она на берегу фьорда – узкого, глубоко вдающегося в берег морского залива со скалистыми берегами. Цивилизация тут активно работала, но дух времён остался и, стоя на причале, можно почувствовать, как перед внутренним взором легко оживают предания. В них сквозь зубастые отвесы скал, по прозрачной глади холодных вод в бухту входят корабли с уставшими после длительного похода викингами. На берегу их встречают истосковавшиеся по мужскому теплу женщины, по отцовскому слову – дети, по сыновней поддержке – родители. Втайне все они ждут провизии, подарков и невиданных доселе заморских чудес. Их приветственные крики заглушают шум многочисленных водопадов, стекающих с вершин и пополняющих фьорды талых вод. Корабли причалили: тёплая встреча, рассказы о былом, праздничный ужин, страстная ночь.

Как я тут оказался, неважно, хотя пусть вы очередной раз убедитесь, что миром движет один и тот же принцип вне зависимости от географии. Итак, попал я сюда по знакомству. Для многих такой поворот – улыбка судьбы. Для меня это переселение было вынужденным. А мне подобных именуют «гастарбайтерами».

Жизнь в эмиграции не отличается особым разнообразием. Ожившие легенды, традиции, уклад, местные красоты – спустя некоторое время всё это отходит на второй план. Начинаешь чувствовать себя тем самым заморским чудом, которое древнескандинавские воины привозили на потеху землякам. И охватывает неистовое желание вернуться назад, к тому, что ближе и роднее, туда, где ты – неотъемлемая часть целого, а не дополнительная пара рук и ног в хозяйстве. Невольно сравниваешь, переосмысливаешь.

Приехал я в этот норвежский приютившийся среди поросших зеленью горных хребтов городок по весне. Насколько он древний и каким был несколько веков назад можно судить, заглянув в музей. На окраине города под открытым небом воссоздано древнее поселение. Это жилые дома и хозяйственные пристройки разных эпох, с характерными для того или иного времени утварью и внутренним убранством. Звучит не художественно, но я и не пытаюсь увлечь вас в мир литературной фантазии... Норвежцы помнят о предках и чтят прошлое. Без этого, как они считают, невозможно было бы сегодня, и нет завтра. Без любви к своему прошлому невозможна любовь и согласие среди людей в настоящем: нация просто-напросто вымрет.

Поселили нас, гастарбайтеров, в специально отведённом для иностранцев домике. Это была одноэтажная, деревянная, цвета неспелого персика старая постройка со всеми удобствами, верандой и цокольным этажом. Внутри пара служебных помещений, шесть комнат, гостиная и кухня со всей мыслимой современной бытовой техникой. Из отопления только небольшая печка в гостиной и по электрическому радиатору в каждой комнате.

Люди под этой черепичной крышей собрались разные, в основном из Прибалтики. Помимо заработка нас объединяло знание русского языка и менталитет. Мы спорили, иногда ругались, но всегда находили общий язык и понимание. Дружно жили, в целом, весело. Местные жители немало удивлялись, как мы, представители разных республик, говорим на одном языке. Нас же в немалой степени удивляло, что они очень слабо представляли себе политическую географию Прибалтики до начала девяностых годов. Понятным для них оказалось объяснение, что для нас русский – это такой же интернациональный язык, как для них английский.

В первый же месяц, по приезду, я излазил окрестности, берега фьорда, музей и пообщался с местными. Остались только горы. Для местных жителей это особый мир. Практически каждая семья у них имеет домик там, наверху, где пастбища, ягоды, грибы и возможность отрешиться от мирской суеты. В этих домах принято проводить отпуска и выходные. Горы для норвежцев – это ещё и источник природной питьевой воды. Но особенно они гордятся,

что стоят их горы со времён ледникового периода. Даже снег на некоторых из них сохранил структуру того времени.

Желание сходить в горы у меня возникло практически сразу, как я устроился и осмотрелся. Даже вершину присмотрел. Но – то погоды нет, то компании не собрать, то с работой завал. Так и лето прошло.

Последний день августа. День солнечный. Выходные свободны. После работы собрались, поужинали, отдыхаем. Говорим о разном. В компании новенькая девушка из Эстонии, из «титულных», как мы таких называли, это значит – минимальное знание русского языка и особый, национально-индивидуалистский взгляд на жизнь.

На работе и дома, общаясь между собой и с местными, мы всегда старались исходить из того, что у нас общего. Например, нас забавлял поиск сходных слов в языке: слово «швабра» или "душ" с небольшими интонационными изменениями одинаково звучат как на русском, так и норвежском языках, называя один и тот же предмет. Новенькая же постоянно противопоставляла себя нам, утверждая, что мы разные, хотя бы только потому, что она эстонка. «Погоды», так сказать, она в коллективе не делала, основную часть свободного времени отсиживалась у себя в комнате, поэтому все её претензии так и оставались при ней.

Нет, Кэтлин – так звали новенькую – не была снобом. В какой-то момент мне даже показалось, что её отчуждённость – защитная реакция на наши пристальные, испытующие взгляды. Ситуацию разрядил случай.

В один из дней мы пьянствовали, болтали, слушали музыку. Неделя выдалась напряжённая, суббота – рабочая. Все порядком измотаны, хотелось отрешиться и почувствовать себя «на берегу», среди своих. Тёплый летний вечер, мы сидим на веранде, нещадно шумим.

Слышимость в доме ужасающая, но мы свыклись, а если кто-то отдыхал после ночного дежурства, остальные ходили на цыпочках. Но не в это раз, все были «дома».

Так вот, засели, значит, празднуем. С момента приезда, Кэтлин держится стороной, и всё свободное время проводит за компьютером, переписываясь с друзьями. Так и сейчас. Интернет в доме беспроводной, отвратительный, до комнат не дотягивает. Пользоваться можно только в гостиной, где она и устроилась на диване. Гостиная – проходная, только через неё можно добраться в кухню, туалет или взять что-то из своей комнаты. Здесь же находится музыкальный центр, колонки от которого мы вынесли на веранду. С завидной регулярностью мы ходили туда-сюда, попутно приглашая Кэтлин присоединиться к застолью. Она довольно сухо отнекивалась, и мы перестали обращать на неё внимание. Время за полночь, разгорячённые, шумные, мы даже не заметили, как она ушла.

В самый разгар очередного спора ни о чём выскакивает вдруг наша новенькая и возмущённо требует тишины.

Мы слегка оторопели и ответили, что ещё слишком рано, чтобы требовать. Кроме того, завтра выходной. Тогда она смягчилась и говорит:

– Пожалуйста, я устала и хочу спать.

И тут на Карабаса что-то нашло....

В миру его зовут Дима, он работает мясником. В силу характера (или специфика работы такая) парень он прямолинейный и над словом не задумывается. Что на душу пришло, то и выдаст. При этом хорошие слова, слова поддержки на душу ему приходят очень редко. Не получилось у тебя что-то, скажет – «растяпа», не успел – «лентяй», не понял его – «тупица» и так далее. А ещё любит подгонять, приговаривая: «Шевели граблями», – но беззлобно. Вот и прозвали мы его – Карабас.

Практически весь упомянутый мною вечер он учил Малого как нужно обращаться с девушками, считая себя бесспорным авторитетом в женском вопросе.

Малой – это особый персонаж нашего эмигрантского островка. Приехал он из Латвии, из глубинки, на подсобные работы. Ему едва минуло девятнадцать, среднюю школу не осилил,

он упорно косит под блатного. Неистово и не к месту ругается матом и мечтает накопить на Мерседес. Любит слушать шансон, рассуждать о жизни по ту сторону решётки и хвастать своими знакомствами в среде отсидевших за решёткой. С упоением рассказывает о том, как они с друзьями курили гашиш. При этом, цитирует стихи Константина Симонова и как-то попросил меня помочь ему найти и распечатать из Интернета Шекспировского «Гамлета». Он его даже начал читать, восторженно комментируя каждый прочитанный эпизод. Трудно было разобрать, что в нём было искреннее, а что – показное.

Всё свободное время Малой сидел в Интернете, разглядывая модели машин и женщин, подбирая себе будущего «железного коня» и «даму сердца», говоря его языком – «тачилу» и «бабёнку». По характеру или в силу возраста Малой взбалмошный, импульсивный, самоуверенный и контролировать себя не умеет. Делает всё наспех, абы как и толком ничего не знает. Несколько раз его порывались уволить, но мастеру Алексею каждый раз удавалось своего помощника отстоять.

Алексей знает строительное дело досконально. Имеет образование по специальности и уже успел поработать в Шотландии. Он отслужил в армии, парень спортивный, подтянутый, общительный. Что их «склеило», мне неизвестно, но у Малого мастер был «в авторитете» не только на работе, но и в быту. Разойдется бывало подопечный за обедом и давай трепаться: жестикулирует, вилкой размахивает, с неё куски на брюки падают, а он их на пол стряхивает; рот полный, всё из него по сторонам валится, а он гогочет. Девушки наши не выдержат и замечание ему сделают. Малой огрызнется и снова за своё. Они голос повысят – он грубить начинает, мол, не женское это дело мужика учить. Тогда уже они обижаются и демонстративно из-за стола уходят. Малой торжествует. А Лёшке, мастеру его, при этом достаточно цыкнуть, чтобы тот притих.

Живёт с нами ещё Глеб. Парню нет тридцати: рослый, крепкий, простой питерский парень. Один из тех, кому перестройка разорвала, условно говоря, душу на части. Одна часть оказалась в Прибалтике с женой и сыном, другая в России, где учился и вырос, где друзья и родители, а сам он – здесь, за границей, зарабатывает, чтобы расплатиться с кредитом на жильё. Работает поваром, человек он увлечённый своим делом, умный и жизнерадостный. Отвлекусь немного и поделюсь, что единственный раз в своей жизни креветки, так искусно приготовленные им. Обалденно!

Из девушек, помимо Кэтлин, в доме жила Ксения, но кроме замужества с кем-нибудь из местных её ничего не интересует. Укорениться в Норвегии – её страсть, мечта, на пути к которой все средства хороши. Перебирала она разные варианты и нашла в итоге свой, единственно для неё возможный.

О себе рассказывать не стану, поскольку мало примечателен в этой истории. Прозвали меня «Старый», поскольку молчалив и старше всех по возрасту.

В тот день, когда Кэтлин ворвалась на веранду требовать тишины, Глеб был в отпуске, а Ксения у очередного потенциального жениха.

Так вот... Карабас скрестил руки на груди и, ни на кого не глядя, пробасил:

– Мы тоже вас просили не сносить памятник Неизвестному солдату.

– Какой памятник, – на ломаном русском зашебетала Кэтлин, – при чём тут памятник, это элементарное уважение друг к другу.

– Элементарное уважение друг к другу, это учитывать мнение остальных в сложившихся обстоятельствах, а не прикрываться мнением условного, титульного большинства...

Кэтлин покраснела, на глаза навернулись слёзы, она выскочила с веранды и зарёванная заперлась у себя в комнате.

– Зря ты так, Карабас, – после продолжительной паузы сказал Алексей, – при чём тут она.

– А кто при чём?!

– Никто не при чём! Стихийное бедствие...

– Не, ну вот чё она приехала? Знала ведь, что здесь русские, – вставил своё слово неугомонный Малой и совершенно не к месту стал рассказывать какую-то путаную историю, как они с друзьями ловили рыбу, и как это выгодно: коптить её и в городе продавать.

На следующий день Карабас просил у Кэтлин прощения. Простила, нет – кто её разберёт, но отношения, как ни странно, стали налаживаться, а девушка перестала нас сторониться.

И вот сегодня, в этот последний день лета, я вдруг вспомнил, что давно собирался сходить в горы и завёл на эту тему разговор. Дождливые, пасмурные осенние дни – не лучшее будет время, когда, если не сейчас? Карабас сразу отказался, дальние пешие прогулки не для него:

– На рыбалку пойду, ушицы к вашему возвращению сварганю.

Лично меня для этого похода больше интересовал Лёшка. Он дольше меня в Норвегии и уже ходил на ту вершину. Собственно, с его подачи я её и присмотрел. Но без проводника и поддержки идти было боязно.

Лёшка согласился, а с ним и Малой вызвался. Стали обдумывать, когда выдвинемся и что будем с собой брать, и тут Кэтлин спрашивает:

– А можно с вами?

Малой гоготнул и выдал:

– Куда тебе, женщина, кто тебя обратно на себе потащит?

– Я всю жизнь на хуторе прожила, мы с отцом на охоту ходили, за клюквой на болото, по двенадцать часов на сенокосе... – не сдавалась Кэтлин.

– А ты морской закон знаешь? Женщине на корабле – к несчастью...

– От тебя счастья тоже мало. Не ерепенься, Малой. Не сможет – останется у подножья нас ждать или в посёлке, что на плато. Всё, пошли спать, если решили идти, значит, с раннего утра, – остановил пререкания Алексей, и мы разошлись по комнатам.

Утро первого сентября было пасмурным. С запада подтягивались низко плывущие облака, туман. К десяти утра закрапал дождь. Общего настроения это, однако, не сломало. К полудню мы добрались до подножия и в первом часу дня начали восхождение. Первая часть пути – это изнурительный подъём по грунтовке, ведущей к плато. Обычная машина туда не вытянет.

В пути нас внимательными, настороженными взглядами провожали коровы и овцы, пасущиеся на густо покрытых зелёною склонах. Они разбрелись по обе стороны дороги и что-то жевали. Одни из них при виде нас замирали и терпеливо ждали, пока мы пройдем. Другие сбивались в кучу и убегали вглубь леса, по очереди останавливаясь, оглядывались – не преследуем ли.

Овцы, пасущиеся в горах, удивления не вызывали, но коровы, скачущие среди деревьев и кустов по заросшим мхом камням как козочки – зрелище шокирующее. Лёгкость, с которой они это проделывали, лично у меня вызвала зависть, и... я улыбнулся, представив тучного Карабаса, скачущего среди коров.

Алексей задал направление и, набрав темп, стал от нас отрываться.

– Сбавь обороты, людей подожди, – кричал ему в след Малой.

Кэтлин шла впереди нас сосредоточенная, слегка нагнувшись, и ритмично размахивала руками. А я пыхтел, жалея, что перед сном накатило вискаря, и силился скоординировать движение с дыханием, а тут ещё Малой своей безудержной болтливостью постоянно цеплял меня вопросами и сбивал с ритма. В конце концов он выдохся, и продвижения его приняли вид перебежек: он останавливался отдышаться, потом бежал вверх, обгоняя меня и Кэтлин, и останавливался снова. Поравнявшись с ней, он шёл некоторое время рядом и острил. Затем начал отставать и, поравнявшись уже со мной, некоторое время шёл рядом. За эти несколько минут Малой успевал рассказать мне какую-нибудь историю, порассуждать на общие темы и задать массу вопросов. Затем он снова останавливался отдышаться. Так продолжалось, пока мы не добрались до плато.

Перед нами открылся чарующе живописный вид: горное озеро, загоны для животных и небольшой посёлок из маленьких одноэтажных избушек. Это бревенчатые, на сваях, домики, в которых нет ни электричества, ни централизованного водопровода. Зимой они по крышу утопают в снегу, а летом сюда навещаются местные или туристы. Ни тебе магазинов, ни интернета, ни кабачков – только природа. Но по-настоящему нас взволновало обилие черники и брусники. Как одержимые, набросились мы на кусты, жадно срывая и заглатывая влажные сочные ягоды. Утолив жажду, двинулись дальше, а правильнее сказать, ближе к цели путешествия – на вершину.

Карабкаться по обвалившимся камням, пробираться узкими горными тропами было сложнее, но гораздо увлекательней, чем монотонно вышагивать по грунтовке. Периодически я останавливался, садился и созерцал, пока меня не окликнут. Безумно легко дышалось. Я чувствовал себя Гулливером, хотелось кричать от восторга, тянуло то попрыгать по вершинам деревьев и скал, то сгрести всё в охапку.

Говорили мало, только по делу. На самом сложном участке я вспомнил о перчатках. Да, действительно, ведь это Малой принёс их мне, когда мы собирались.

– Спасибо, что перчатки подогнал, – обратился я к Малому.

– Ладно, чего там, – скромно ответил он, ухватившись за верёвку.

Внешне подъём выглядел безопасно: с одной стороны скала, с другой – стена из выросших на склоне деревьев и кустов. За этой живой изгородью – обрыв: покрытые мхом острые камни и валежник. Если по ним скатиться, мясник и мясорубка уже не понадобятся. Все части и ткани тела будут аккуратно отделены друг от друга и перемолоты – фарш готов. Представишь – дух захватывает.

Дождь моросил всё это время, местами усиливаясь.

Изрядно пропотев и промокнув, достигли мы верхней площадки. Я стоял на краю, как пьяный, и орал во всю глотку, что есть мочи, не в силах сдержать восторг.

Городок, в котором мы живём, находился километрах в двадцати от подножья горы и стоял на берегу фьорда зажатый между хребтами. С нашей высоты эти возвышения казались холмами, а сам городок выдавал себя лишь очертаниями, как с борта самолёта. Внизу, прямо под нами лежали крыши домов посёлка, что остался позади нас на плато... да, именно лежали, поскольку ничего больше различить было невозможно. Глядя на то место, живо вспомнил, как мы уплетали чернику с брусникой. Я улыбнулся и понял, что безумно хочу пить...

С запада, в восточном направлении, прямо у наших ног проплывали лёгкие перистые облака. Погода портилась, небо хмурилось. Надолго решили не останавливаться. Сделали по глотку кофе из термоса, перекусили, надели свитеры и двинулись по верху горы к её пику.

Низкорослый кустарник сменил мох. По дороге Лёшка вспоминал ребят, которые ходят по горам с автоматами сегодня, и знаменитый переход Суворова через Альпы:

– Переходили с боями, в военном обмундировании, с оружием... – подчеркнул Алексей и продолжил. – Уму непостижимо, на что только способен русский солдат.

Малой шёл молча и косился на меня.

Чувствовал я себя очень плохо: ноги отяжелели, стучало в висках, мысли в голове вязли. «Зря кофе выпил», – думал я. Преодолевал эти метры на одних лишь выдержке и целеустремлённости – надо!

Хотя я и не помышлял останавливаться, меня почему-то стали уговаривать, что дойти надо, иначе потом жалеть буду. Выглядел я, видимо, тоже плохо.

На одном из отрезков пути стало совсем невмоготу: кровь ударила в голову, воздух вокруг меня неестественно сгустился, а грудь как будто кто-то сдавил. Пришлось остановиться. Ребята скрылись за поворотом, и я услышал голос Малого:

– Может, оставим Старого здесь?

В ответ другой голос, Алексея, сурово ответил:

– Ты чего, молодой, сейчас рыльце-то начищу, старый конь борозды не портит. Шагай давай.

Кэтлин шла немного позади и попыталась забрать у меня рюкзак. Я отказался. Отдышался, собрался с силами и пошёл дальше. Через пару десятков метров в голове прояснилось – отпустило, как и ни бывало. Осмотрелся: земли не видно, кругом голые камни, а в некоторых местах – снег.

Взобрались на пик. Невероятно влажно и сильный холодный ветер. Не до восторга. Фотоаппараты и мобильные телефоны не работают. К этому времени низко плывущие облака достигли нас и, обойдя по южной стороне, полностью закрыли вид до северо-востока. За считанные минуты, пока писали свои имена в гостевой книге, мы оказались над облаками. Туман сгустился.

Малой посмотрел на мою запись в книге и съехидничал по поводу того, что я указал своё полное имя и отчество.

– А ты что, ублюдок? – строго, с нажимом спросил Алексей.

– Ну, ты чё, Леха, я чего-то не догоняю, чё за наезд? – неподдельно удивился Малой.

– Ты хоть знаешь, что такое «ублюдок»? – Алексей продолжал в упор на него смотреть.

Малой глупо загоготал и заёрзал на месте, всем своим видом давая понять, что ни черта он не знает, но признаться не может, чтобы не выглядеть глупо.

– Что у тебя, отца нет? Пальцем или в пробирке деланный? А может, ты незаконнорожденный? – сыпал вопросами Алексей.

– Да ладно, кому это сейчас нужно, – догадался, о чём речь, Малой.

– Вот и дурак, если не нужно! – Алексей отвёл взгляд и с тревогой в голосе заключил:

– Уходим скорее, туман накроет – не выберемся.

Мы поспешили вниз. Влажность росла с невыносимой быстротой. В некоторых местах, где мы проходили каких-нибудь десять-пятнадцать минут назад, образовались глубокие, по щиколотку, лужи. Перед спуском с верхней площадки, спрятавшись от ветра в низкорослый кустарник, мы сделали привал. Доели бутерброды, допили кофе, разделили шоколадку и закусили сорванной тут же на полянке черникой. Трапезничали молча, но без напряжения. Даже Малой не проронил ни слова.

Приободрившись, начали спуск. Первым пошёл я, крепко держась за верёвку и с большой осторожностью перебирая ногами. Земля превратилась в сплошную склизкую жижу, по которой в сторону обрыва бежали ручейки воды.

Малой насмешливо комментировал мой спуск, нетерпеливо ожидая, когда я освобожу дорогу: он был следующим. Как только я закончил и отошел в сторону, он схватил верёвку и лихо, не глядя под ноги, устремился вниз. Зацепив ногой торчащий из земли корень, он попытался удержать равновесие другой ногой, но подошва её лихо заскользила по мокрому мху. Судорожно сжав верёвку одной рукой, второй Малой пытался найти опору, но плюхнулся на землю, ударившись лбом о камень. От удара хватка его ослабла, и он покатился вниз, к обрыву. Я ринулся к нему и схватил за ворот куртки оцепеневшее, сметающее всё на своём пути тело. Малой застрял в кустах и не шевелился. Он наполовину свисал с откоса. Лежал на мокрых, примятых при падении ветках, нервно фыркая и пыхча. Пока он очухивался, спустился Алексей, и мы оттащили Малого под наскальный выступ.

– Как ты? Руки-ноги целы? – спросил Алексей.

Малой простонал и подтянул к себе правую руку, плечо неестественно обвисло и выпало назад.

– Блин, зашибись, плечо вывихнул, и что теперь, на себе тебя тащить, скакун горный? – сердился Алексей.

Малой сидел молча, бледный, с мутным взглядом.

Подоспела Кэтлин. Взглянула на него и ощупала плечо:

– Вправлять надо. Я сейчас, – бросила рюкзак и убежала. Через пару минут вернулась, сунула Мало́му в рот какой-то травы и попросила жевать.

Он поморщился, собираясь выплюнуть:

– Что за хрень?

– Делай, что тебе говорят, – приказал Алексей.

– Это зачем? – спросил я.

– Чтобы сознание не терял, и боль притупляет, – ответила Кэтлин, – Помогите мне его уложить.

Мы уложила Мало́го на землю, она сняла ботинок у себя с ноги, села лицом к нему, и пятку разутой ноги поместила Мало́му подмышку. Обеими руками захватила его руку и потянула. Мало́й вскрикнул и выругался. Плечо встало на место. Кэтлин попросила у меня нож, выпотрошила свой рюкзак и разрешила его. Из лямки и тыльной стороны вышла отменная повязка. Кэтлин закрепила руку Мало́го. Он выпил остатки кофе, лицо его порозовело. Мы немного успокоились, дождь начал стихать, туман – рассеиваться, просветлело.

– А ты молодец, шустро у тебя так всё получилось, складно, – обратился я к Кэтлин, – откуда всё это знаешь?

– Отец научил. Пока с нашего хутора до врача доедешь, калекой на всю жизнь можно остаться. К нам даже соседи за помощью бегали. Он и животным помогал. На весь район один ветеринар, не успевает, а у нас и лошади были, и коровы, и свиньи.

– Как же ты отца с таким хозяйством бросила и в Норвегию уехала? – спросил Алексей.

– С ним братья мои остались и сёстры, нас в семье пятеро. И хозяйства такого уже нет. На продажу скотину держать невыгодно стало. Туризмом будем заниматься, гостиницу открывать. Отец с братьями строят, а мы с сестрами денег поехали заработать. Старшие в Финляндии, а мне сюда захотелось.

– Сёстры, небось, командуют тобой, поучают, сбежала от них?

– Зануды страшные, строят из себя умных... – рассмеялась Кэтлин.

– Дождь вроде стих, – заметил я, – может, двинем дальше.

И мы засобирались. Кэтлин загрузила свои вещи в рюкзак Мало́го и сама его понесла. Лёшка и я по очереди подстраховывали нашего «горного скакуна».

Выйдя на плоскогорье, мы облегчённо вздохнули и, пока шли среди валунов и избушек, обсуждали виски, горячий суп, сухую одежду и баню. Спускаться по грунтовке было сложно. Одеревеневшие с непривычки от усталости ноги всё время пытались подломиться, а кроссовки скользили на мокром, сыпучем гравии. Иногда хотелось свернуться в клубок и скатиться кубарем вниз.

Дождь прекратился, выглянуло солнышко. Мало́й оживился и стал рассказывать, как он вернётся домой, возьмёт кредит, купит «тачилу», немного денег отложит, и будет жить в кайф.

– А дальше что делать собираешься? – спросил я.

– Школу надо закончить, учиться пойду, – незнакомые мне нотки проскочили в его голосе.

– В вечернюю?

– Ага...

– Хорошо, но бензин-то в Мерс сам не потечёт, делом-то каким заниматься будешь, как зарабатывать? – не унимался я.

Мало́й посмотрел на меня и засмеялся, давая понять, что он не дурак.

– Умею я одно дело офигенно делать, но тут ещё обмозговать надо, – уже в своей привычной, блатной манере ответил он.

– Наркоту что ли, толкать?

– Нет, это лажа, не по мне, – серьёзно отреагировал Мало́й.

– Тогда сутенёром....

– Не, не, не... у нас в городе гостиничка есть, туда разные крутые с баблом приезжают, девок наших снимают. Одноклассницы предлагали у них сутенёром быть. У меня в этой гостиничке друган работает, – серьёзно посмотрел на меня Малой, – но я отказался. Беспонтовое это занятие.

В этот момент мы подошли к повороту дороги, откуда вправо уходила тропинка в лес. Там, в глубине, я заметил домик.

– Вот бы такой же домик себе в лесу поставить, баньку там соорудить и с друзьями по выходным приезжать париться, а...? – размышлял я, и мы разговорились о прелестях русской бани.

Лёшка убежал вперёд и теперь стоял безмолвно у подножья, скрестив руки на груди, с деловым видом глядя в нашу сторону. Мы стали что-то кричать ему и махать руками. Он не реагировал.

В эмигрантскую обитель вступили, когда уже смеркалось. Встречали нас Карабас и Глеб. Он вернулся из отпуска, привёз чёрного хлеба, шпрот, копчёного мяса и конфет. Местные продукты, конечно, хороши, но по вкусу мы предпочитали своё, и если кто-то уезжал на побывку, то неизменно возвращался с гостинцами.

В доме царил оживление, безумно вкусно пахло ухой. Карабас заканчивал кашеварить, Глеб раскладывал продукты, а мы переодевались, периодически забегая на кухню, чтобы обменяться впечатлениями и подразнить себя аппетитным запахом.

Вода в душе казалась необычно теплой и ласковой, одежда – непривычно сухой и комфортной, а суп по-домашнему вкусным. Кэтлин посидела с нами и ушла за компьютер, с сестрами общаться. Малой, наш «горный скакун», разомлел и развалился в кресле, чувствуя себя героем дня. Весь вечер только о нём и говорили.

Глеб дослушал наш рассказ о злоключениях и произнёс тост:

– За день знаний!

– В смысле? – уточнил Карабас.

– Праздник сегодня, первое сентября – День знаний. Начало учебного года.

– Что, сына в школу отправил?

– В первый класс.

– Солидно, с ранцем?

– А то, – засмеялся Глеб, – теперь только на Вы и по имени-отчеству.

– Как его, Борисом зовут? Борис Глебович, значит.

– Га, га, га... Старый, приколы, да! – Малой аж подпрыгнул.

– Солидно звучит, между прочим, зря гогочешь, – отозвался я, – Не обращай внимания, Глеб, это у него ещё с горы заскок. Он и меня обсмеял, когда я в гостевой книге полное имя указал.

– Ну и дурак, – равнодушно ответил Глеб.

– Да приколотся я. А вообще, нигде в мире отчество уже не используют.

– Это ты сейчас лоханулся, Малой. А ещё считаешь себя русским, – заметил Алексей.

– Глеб, ты случаем не в курсе, почему в Прибалтике, да и вообще в Европе, не принято отчество использовать? – спросил я.

– Чтобы не путаться.

– В смысле?

– О праве первой ночи слышал? Это право господ, помещиков провести первую ночь с невестой, его крепостной. В России это право во времена правления княгини Ольги, в девятьсот сорок шестом году, на налог заменили. А в Европе до конца семнадцатого века использовали. Поэтому у них и наследство переходило к младшему сыну, так как старшего не считали членом семьи.

– Почему? – оживился Малой

– Блин, не тормози, почему-то как первоклассник, – не выдержал Алексей. – Что тут не понять? Первая брачная ночь за барином, и если родится ребёнок, он чей? Барина.

– А если не его? – не унимался наш «горный скакун».

– Если, не если... вот и придумали они свою систему, чтобы не путаться.

– Куда тут говорить об отчестве, если неизвестно, кто отец, – уточнил Глеб, – но в России отчество стали использовать раньше фамилии, привязка была строго – по отцу.

– И в сказках, как Русских богатырей звали: Алёша Попович, Добрыня Никитич, – вспомнил Алексей.

– Всё равно не понимаю, какой толк от этого отчества? – спросил Малой.

– Какой толк тебе нужен?

– Это же условность. Просто привязка, чтобы разбираться, кто чей сын.

– Не просто, а чтобы знать и помнить свои корни, кто твой отец, и что он тебе дал. Чтобы и ты, став отцом, чувствовал ответственность за своих детей, ведь они будут носить твоё имя. Вспомни, если бы не Кэтлин, лежал бы ты сейчас в больничке. Откуда у неё это, кто научил её вправлять вывихи, быть такой проворной, смекалистой? От отца.

Поникшим голосом Малой пробурчал:

– Не знаю я своего отца, и мать ничего не рассказывала...

Взволнованный, он вскочил с места и подошёл к проигрывателю. Сменил диск и сел на диван к нам спиной. Из динамиков послышался голос Володи Высоцкого, он пел про непокорённые вершины. Вслед за ним встал Алексей, взял две рюмки и присел рядом с Малым:

– Но ты-то есть, и можешь всё сделать иначе – по-человечески.

О чём они говорили дальше, я не слышал. Глеб стал рассказывать мне о лошадях. Во время отпуска с друзьями он впервые ходил кататься на лошадях. Давно хотел, но только теперь сложилось. Сел на лошадь, разнервничался, а она как начни под ним брыкаться, чуть не скинула. Тренер заметила и говорит: «Собранней надо быть, собранней. Если уж я чувствую вашу неуверенность, то лошадь – подавно. Ей нужны чёткие указания, но слов она не понимает». Подумал я тогда: вот и жизнь, как лошадь – нет у тебя чёткого представления о том, откуда и куда идёшь, вот и брыкается она, всё скинуть норовит. Но к чему такая мысль возникла, в толк взять не мог.

До глубокой ночи играли мы в нарды, рассказывая друг другу байки и анекдоты, пока Карабас не уснул прямо в кресле. Потянуло в сон и остальных. У меня болело горло, и я никак не мог понять, от чего, пока не вспомнил как орал там, наверху. Ощущение восторга вновь охватило меня и безудержно захотелось с кем-то непременно поделиться своими впечатлениями, и я стал их записывать. Кэтлин собралась и ушла к себе в комнату. С того дня мы, кстати, стали называть её по-свойски – Катюха.